

поле, поле рефлексии собственного Я как профессионала. Два года назад семинар получил имя («На Скарыны 15»). Однажды в двери семинара постучалась нарративная психология, которая пришла выручить молодого ученого из методологического затруднения. Оказалось, что не все жизненные проблемы решаются с позиции позитивистской методологии. Оказывается, можно проводить другое исследование, но надо освоить другой взгляд (методологию), другую технику (методику), другое отношение (отношение диалога) к испытуемым. Первый опыт академического исследования был завершен: не все его поняли и тем более приняли. Но первый шаг был сделан.

### Что объединяет авторов статей этого журнала?

Понимание, что работа в рамках качественной методологии дает такие возможности, о которой количественная методология не может и мечтать.

Объединяет пространство — факультет психологии Белорусского государственного педагогического университета, на котором можно обсуждать проблемы качественных исследований.

Время, так как только сейчас и как всегда с опозданием в нашем случае в 30 лет мы пришли к необходимости развивать и эту составляющую академической психологии — качественную методологию.

И последнее — данный выпуск журнала появился благодаря Александру Георгиевичу Лидерсу, который уже многие годы является психологическим попечителем белорусских психологов.

Пергаменщик Л.А.

Доктор психологических наук, профессор

Декан факультета психологии

Белорусского государственного педагогического университета

имени Максима Танка

Пергаменщик Л.А.

## ЗАВЕЩАНИЕ МАСТЕРА: ПЕРЕЖИВАНИЕ

Правда, о человеке вужих устах,  
не обращенная к нему диалогически,  
то есть заочная правда, становится  
унижающей и умертвляющей его ложью.

М.М.Бахтин

В статье обсуждается место теории переживания в построении здания современной психологии. Идеи В.В.Выготского по-разному отразились в работах разных его учеников. В мнении автора, адекватно исследовать переживание как психологический феномен возможно в рамках гуманистической парадигмы психологии. **Ключевые слова:** переживание, деятельность, гуманистическая психология.

Слегкой руки М.А.Булгакова за словом «мастер» закрепилось определенное содержание: честность, последовательность пути, невозможность предать самого себя, профессионализм, когда как силы света, так и силы тьмы сходятся в оценке им созданного. Л.С.Выготский как никто другой в отечественной психологии заслуживает почетное и ответственное звание «мастер». Это позволяет мне обращаться далее в тексте к психологу не по фамилии, имени и отчеству, а просто — Мастер.

Мастер за свою короткую жизнь породил много идей, и если строго анализировать его тексты, то возникает ощущение, что он не всегда заботился о последовательности и непротиворечивости. Чтобы разобраться в причинах такой методологической «неразборчивости»<sup>1</sup> (сейчас, это можно было бы обозначить спасительным словосочетанием — интегративная эклектика) требуется серьезный текстологический, методологический, социальный анализы. Возможно, методологическая непоследовательность и объясняет обращение к Мастеру как к предтече ученых, имеющих противоположные взгляды на психологию. Это и понятно: работали вместе, вместе создавали новую психологию. Но тогда

<sup>1</sup> Не просто было бы Мастеру защитить диссертацию в Совете по психологии, например, как бы он ответил на вопрос: Какую методологическую позицию Вы занимаете? Вот тут бы он и покрутился, под бдительными взорами принципиальных членов Совета.

Пергаменщик Леонид Абрамович — доктор психологических наук, декан ф-та психологии Белорусского государственного педагогического университета им. М.Танка.

его взгляды должны быть совместимы с идеями социального конструкциониста Г.Джержена, которого также привлекают тексты Мастера для обоснования конструкционистского поворота в психологии [5, с. 75].

У меня создалось впечатление, что Мастер торопился, не надеясь на покой, тексты свои оформлял, не заботясь о непротиворечивости. Может поэтому у него так много учеников. По крайней мере, после его смерти, особенно когда его стали печатать, все, кто так или иначе встречались с Мастером, объявили его своим учителем. То, что между взглядами Мастера и его последователями обнаруживаются методологические различия — не обращали внимание. Об одном из его учеников и их разных взглядах и о другой дороге, которую выбрал последователь, я пробовал обсудить в статье «Прозрения раннего Выготского: выразительное и говорящее бытие» [15]. Сейчас, с течением короткого времени, я подозреваю, что мои взгляды и рассуждение носят несколько поверхностный характер, иногда слишком прямолинейны и не всегда обоснованы. Все же многое в движение от Мастера определяла эпоха — надо было выжить. Хоть это звучит и кошунственно, Мастер вовремя умер, а ученикам выпала нелегкая доля продолжать жить.

Мы входим в эпоху, когда Мастера постепенно оставляют в покое. Еще лет пять назад ни одна диссертация не обходилась, чтобы его не потревожить: он всегда был первым в списке цитирования. Часто на этом и заканчивалось обращение к мастеру — до чтения и анализа текстов, как правило, дело не доходило. Произносили все те же известные слова-заклинания: «зона ближайшего развития», «закон культурно-исторического развития» и еще несколько словосочетаний. Слова произносились, но тексты не анализировались. Автор цитаты как бы говорил: ну вы ведь знаете, о чем идет речь. Последующий читающий или слушающий такие заклинания себе говорил: все знают, ну не буду показывать обратное — согласюсь с тем, что Л.С.Выготский точно так и думал. Так выросло целое поколение психологов, которое при защите диссертаций формально опиралось на Мастера, но не знакомились с его текстами. Конечно, есть и приятные исключения, которые, как говорится, подтверждают правила.

Предлагаемой статье я попробую коснуться, для серьезного обсуждения одной из статьи, безусловно, недостаточно, категории «переживание».

Сразу хочу огорчить внимательного читателя, Мастер не оставил ни монографии, ни статьи, ни даже параграфа, посвященного этой категории. Отсюда и по объему его рассуждения о переживании занимают мало книжного места, не позволительно мало. Да, но какое место

он отводит категории переживания в построении всего здания психологии: вот что важно.

Отношение Мастера к категории «переживание» удивляет, так как оно плохо согласуется с его основным взглядом, вот почему, может быть, данная категория не получила своего достойного развития в советской психологии.

Мастер пишет: категория «переживание» занимает особое ведущее место в психологии и определяет это место. Переживание есть основная, ведущая единица для изучения личности и среды так как «переживание и есть единица личности и среды, как оно представлено в развитии» [4, с. 382].

Давайте вместе с Мастером, опираясь на его текст, перечислим признаки искомого понятия. Итак, какие признаки включает эта единица, выбранная мастером для изучения единства (взаимодействия, взаимодействия) личности и среды?

Во-первых, через переживание мы можем представить единство личностных и средовых моментов.

Во-вторых, «переживание надо понимать как внутреннее отношение ребенка как человека к тому или иному моменту действительности».

В-третьих, важнейшей характеристикой переживания является такой признак как интенциональность. Слова мастера: «Всякое переживание есть всегда переживание чего-нибудь. Нет переживания, которое не было бы переживанием чего-нибудь» [4, с. 382].

В-четвертых, переживание индивидуально, так как «всякое переживание есть мое переживание» [4, с. 382].

В-пятых, переживание имеет признак ситуативности, так как оно показывает, «чем данный момент среды является для личности» [4, с. 383].

Таким образом, Мастером выделены следующие признаки переживания: **индивидуальность, ситуативность, интенциональность**, что позволит рассматривать человека в **единстве личностных и средовых моментов** и свидетельствовать (судить) о характере **отношения человека к фрагменту действительности**.

Выделив основные характеристики переживания, Мастер объявляет место, которое должно занять эта категория в психологии: **«действительной динамической единицей сознания, то есть полной, из которой складывается сознание, будет переживание»**.

Теперь логично перейти к анализу механизма переживания. Мастер не дает на этот вопрос обстоятельного ответа, он скорее намечает пути дальнейшего теоретического поиска. «Любой анализ трудного ребенка показывает, что существенна не сама ситуация, взятая в ее абсолютных показателях, а то, как ребенок переживает эту ситуацию» [4, с. 383]. Я думаю (допущение): «Анализ трудного ребенка», — сужает принципиальное положение Мастера, эта фраза более точно, на мой взгляд, должна звучать так: «Для анализа человеческого поведения важно не сама ситуация, взятая в абсолютных показателях, то есть измеряемая статистически, а то, как человек переживает эту ситуацию».

Далее Мастер делает предварительный методический вывод: «Это обязывает к глубокому внутреннему анализу переживания ребенка, то есть к изучению среды, которое переносится в значительной степени внутрь самого ребенка, а не сводится к изучению внешней обстановки его жизни».

Анализ становится очень сложным, мы наталкиваемся здесь на *огромные теоретические трудности* (курсив мой — Л.П.)» [4, с. 383]. Провозгласив всю сложность теоретических трудностей, Мастер не объяснил ни что это за трудности, ни почему они возникли, для какой психологии это является трудностью. Может он сам принял участие в создании этих методологических трудностей и ограничений? Методология психологии Мастера, которую он активно создавал, а его ученики подхватили и пропагандировали, не содержала в себе возможности для преодоления объявленных теоретических трудностей для изучения переживания. Тут мы можем продолжить список тех, которые в силу объективных методологических обстоятельств не стали предметом изучения отечественной психологии: переживание, смысл, жизненный мир. Как вполне справедливо и точно отметил Д.А.Леонтьев в предисловии к русскому изданию знаменитой книги С.Квале «Исследовательское интервью»: «на протяжении почти всего XX века психология находилась под властью естественнонаучного позитивистского устремления «измерять все, что измеряется, научиться измерять все, что не измеряется»» [1, с. 6]. Такая позиция не могла подвести к анализу категорий, которые принципиально не измеряемы в количественном естественнонаучном смысле, но которые могут перед нами предстать как результат качественного анализа.

Я нашел в текстах непосредственных последователей и учеников Мастера две принципиальные попытки отреагировать на его призыв, обратить внимание на категорию «переживание».

### Попытка первая, успешная, но отрицающая

Первая попытка относится к самому именитому ученику и оппоненту Мастера, создателю теории деятельности А.Н.Леонтьеву. Надо сказать, что будущий создатель теории деятельности сразу обратил внимания, что Мастер придает особое значение категории «переживание». (Напомню уважаемому читателю, что категорию переживания в такой интерпретации проговорил Мастер в 1933–1934 годах своих лекциях). Уже в 1937 году А.Н.Леонтьев отреагировал на призыв мастера изучать переживание.

Вот что А.Н.Леонтьев тогда писал: «Введение Л.С.Выготским понятия переживания скорее *поднимает, чем решает здесь вопрос*, так как для того, чтобы раскрыть психологию действительное единство человеческой деятельности, *нам нужно решительно отказаться от рассмотрения человека как субъекта переживания par excellence* (курсив мой — Л.П.) Переживание, будучи вторичным и произвольным фактом, как раз определяется **прямо и непосредственно**, ни физиологическими свойствами субъекта, ни свойствами самого предмета переживания. То, как я переживаю данный предмет, в действительности определено содержанием моего отношения к этому предмету, или, точнее говоря, содержанием моей деятельности, и снимается собственно физиологические закономерности. Следовательно, только рассматривая человека как субъекта деятельности, мы сможем раскрыть конкретное единство физиологического и психологического, «внутреннего» и «внешнего» в его личности» [8, с. 124]. Итак, позиции А.Н.Леонтьева предельно ясны: нужно решительно отказаться от категории переживания. То, что он на место переживания поставил категорию деятельности, из которой позже и выросла теория деятельности, мы обсуждать не будем, это выходит за рамки нашей статьи.

В другом месте статьи А.Н.Леонтьев еще более заостряет вопрос об отличии этих двух категорий: «переживание» и «деятельности». «В диалектике взаимопереходов переживания и деятельности **ведущей** является деятельность. Значит, влияние внешней ситуации, как и вообще влияние среды, определяется всякий раз не самой средой и не субъектом, взятым в их абстрактном, внешнем отношении друг к другу, **но и не переживанием субъекта**, а именно содержанием его деятельности. В деятельности, а не в переживании осуществляется, следовательно, действительное единство субъекта и его действительности, личности и среды» [8, с. 123].

Итак, понятно, что в теории деятельности места переживанию не нашлось, категория деятельности успешно заменила категорию переживание и тем самым сняла вопрос о теоретических трудностях, с которыми обязательно столкнется исследователь, решив изучать переживание человека своей жизни, своей судьбы.

### Вторая попытка. Позитивная, но незаконченная

Автор послесловия к четвертому тому собрания сочинений, которое увидело свет в 1984 году, где помещены тексты Мастера, Д.Б.Эльконин подхватил идеи учителя. В послесловии он полностью соглашается с мыслью Мастера взять за единицу сознания — переживание, которое содержит в себе единство среды и личности ребенка [18, с. 403]. Итак, со второй попытки было объявлено: переживание надо изучать, но если надо, так, может быть, кто-нибудь скажет, как это надо делать? Д.Б.Эльконин согласен с Мастером, что вопрос труден, требует «коренного изменения стратегии и методов исследования» [18, с. 403] и он делает попытку сформулировать эту стратегию:

1. «Необходимы длительные индивидуальные исследования отдельных детей» [18, с. 403]. Здесь речь идет о монографических исследованиях.

2. «Применяемая в обычных исследованиях стратегия среза с последующей математической обработкой, при которой игнорируется особенность перехода от одного периода к другому, для изучения этой проблемы едва ли может быть пригодна» [18, с. 403].

3. В центре внимания будущего исследования необходимо поместить «отдельного ребенка, а не абстрактную статистическую среднюю величину» — утверждает ученик Мастера [18, с. 403].

Д.Б.Эльконин обратил внимание, что «из современных психологов эта проблема разработана ученицей Л.С.Выготского — Лидии Ильиничны Божович» [18, с. 403].

Прихожан А.М. подтверждает высказывания Д.Б.Эльконина: «Божович, развивая идеи Выготского, считала данную категорию одной из центральных для психологии развития: «понятие переживания, введенное Л.С.Выготским, выделило и обозначило ту важнейшую психологическую действительность, с изучения которой надо начинать анализ роли среды в развитии ребенка; переживание представляет собой как бы узел, в котором завязаны влияния различных внешних и внутренних обстоятельств» [17, с. 101]. Л.И.Божович так определяла категорию переживание: «Переживание действительно отражает состояние удовлетворенности субъекта в его взаимоотношениях с окружающей общественной средой, и таким образом выполняет в жизни субъек-

Итак, сделано немало, принципы заложены, осталось предложить инструментарий, при помощи которого исследователь смог бы анализировать такую сложную категорию как «переживания». Мы уже знаем, как не надо изучать переживание: стратегия срезов не подойдет, среднестатистические данные ничего не скажут нам о переживании. Исследование должно быть монографическим, для чего центр внимания следует поместить на отдельного ребенка. Надо признать, что недостаточно развернул, расписал методологию Д.Б.Эльконин, что в категории переживание был дан зеленый свет психологическому сообществу, ученый был недостаточно радикален, чтобы психологи могли отдать должное категории, призванной стать во главу угла всей психологии.

Напомню, на дворе стоял 1984 год. В этом году Ф.Е.Василюк выпустил небольшую книжку «Психология переживания». В 80-е годы патриарх когнитивной революции Дж.Брунер заявил о существовании нарративного мышления. Публикация «Жизнь как нарратив» вышла в журнал «Social Research» в 1987 году, русскоязычный читатель познакомился с ней двадцать лет спустя [3] через журнал «Постнеклассическая психология».

Итак, мы рассмотрели попытки отечественной психологии включить категорию переживание в арсенал академической науки. Несмотря на отдельные успехи<sup>3</sup> (Ф.Е.Василюк, Л.И.Божович), данная катего-

та крайне важную функцию: «осведомляет» его о том, в каком отношении со средой он находится, и в соответствии с этим ориентирует его поведение, побуждая субъекта действовать в направлении, уменьшающем или полностью ликвидирующем возникший разлад» [2]. Таким образом, достойный ученик мастера выделяет в переживании три компонента: отношение, ориентирование и побуждение.

<sup>3</sup> Когда я говорю о двух попытках, я несколько недооцениваю результаты ряда исследований, не принимаю в расчет попытки, которые делались в отечественной психологии. Но все они существовали на периферии интересов академической психологии. Систему исследования искомой категории предложил в своей монографии по психологии личности А.Г.Асмолов, где он выделяет три направления анализа переживания в отечественной психологии [1]. А) Переживание это «эмоционально окрашенное явление действительности, непосредственно представленное в сознании субъекта и выступающее для него как событие его собственной индивидуальной жизни». Переживание есть синтез отношения и знания. Б) Понимание переживания как стремлений. Желаний, хотений, непосредственно представляющих в индивидуальном сознании процесс осуществления субъектом выбора мотивов и целей его деятельности и тем самым принимающих участие в детерминации процессов деятельности стремления, желания, хотения — как формы переживания — отражает в сознании динамику борьбы мотивов, выбора и отвержения целей, к которому стремится субъект. Этой точки зрения на переживания придерживались последователи школы теории деятельности А.Н.Леонтьева. В) Асмолов А.Г. посчитал необходимым выделить еще один взгляд

рия не получила того места, которой ей пророчил Мастер. Почему? Ответы мы находим в текстах: «Требуется коренного изменения стратегии и методов исследования» (Эльконин).

По мнению западных ученых гуманистического направления на начало 90-х годов не была решена проблема изучения переживания. Так в Психологическом журнале за 1993 год была напечатана статья С. Крипнер и Р. де Карвало, которые с надеждой отмечали, что в современном психологическом научном мире идут поиски систематизированных методик для анализа переживаний человеком конкретных жизненных ситуаций [7]. Следовательно, и западная передовая психология не могла отметить большие успехи в реализации задачи, которую поставил перед психологией еще в тридцатых годах Мастер.

Зачем нам было делать такой пристрастный анализ одного понятия, тем более мы сделали только первые шаги по операционализации понятия, а объявить имя новой методологии не решились?

Если внимательно всмотреться в признаки категории переживания, то можно получить ответ на вопрос: почему при таком важном месте, которое занимает переживание в сознании личности, у нас практически нет исследований на эту тему. Исключение: все та же монография Ф.Е.Василюка, которая при всей ее значительности не доведена до следовательских процедур. Да и как можно было получить ответ на вопрос, как изучать переживание, если автор по существу единственной книги по психологии переживания объявил себя сторонником теорий деятельности, создатель которой призывал изменить переживание деятельности.

Что же хотел Мастер, если он провозгласил тот путь развития психологической науки, который не предусматривал изучения таких характеристик сознания, которыми описана категория переживания.

Для переживания необходимо было перейти на другую методологическую парадигму, согласиться, что есть другой взгляд на человека, где и можно подойти к рассмотрению человека в единстве средовых и личностных элементов, целостно, как человека становящегося. Речь

на переживание, который хотя, и заявлен как вышедший из теории деятельности, но имеет существенную специфику. Это концепция переживания Ф.Е.Василюка. Можно отметить еще несколько публикаций на тему переживания [6, 7, 8, 12]. Особое место, но плохо проанализированное, в истории изучения переживания занимают идеи Г.Г.Шпета. Под влиянием и под руководством ученого в 30-е годы изучал переживание Б.М.Теплов. Но Г.Г.Шпет был репрессирован, а Теплов забыл думать о том, что когда-то он занимался темой переживания [12, 19].

идет о гуманистическом направлении в психологии, которое открыто для использования качественной парадигмы.

**Основные положения гуманистической психологии:** а) человек должен изучаться в его целостности; б) каждый человек уникален, поэтому анализ отдельных случаев не менее оправдан, чем статистические обобщения; в) человек открыт миру; г) переживание человеком мира и себя в мире являются главной психологической индивидуальной реальностью; д) человеческая жизнь должна рассматриваться как единый процесс становления и бытия человека; е) человек имеет потенциалы к непрерывному развитию и самореализации, которые являются частью его природы; ж) человек обладает определенной степенью свободы от внешней детерминации благодаря смыслам и ценностям, которыми он руководствуется в своем выборе; з) человек — активное, интенциональное, творческое существо; к) все люди разные.

Основные положения гуманистической психологии вошли во все, в том числе и в советские учебники по психологии личности и по истории психологии. Действительно, человека надо изучать в **целостности**, человек **уникален**, поэтому **анализ отдельных случаев** не менее оправдан, чем статистическое обобщение; **переживание** человеком мира и себя в мире являются главной психологической индивидуальной реальностью. Итак, личность в гуманистической психологии описывается категориями целостность, уникальность, самореализация, интенциональность, через переживание бытия-в-мире и анализ отдельных случаев. Обратите внимание, что принципы гуманистической психологии и характеристики переживания, описанные Мастером, совпадают по ключевым параметрам: целостность, уникальность, ситуативность, интенциональность. Если бы я готовил учебное пособие, мне следовало бы представить сравнительную таблицу признаков понятия переживание и основных принципов гуманистической психологии.

Почему же дальше провозглашения основных положений целого направления в психологии дело не идет. Чтобы изучать человека в целостности, уникальности, ситуативности надо согласиться, что кроме естественнонаучного подхода, который по-прежнему превалирует в нашей психологии, есть иной взгляд.

В 1962 году Гордон В.Олпорт, обращаясь к коллегам, писал «мы находимся под влиянием целей и методов естественных наук. Само по себе это влияние не является негативным. Нам все еще есть чему у них учиться. Вопрос заключается в том, не поработило ли оно нас настолько, что мы пропускаем добрую половину наших профессиональных за-

дач, направленных на улучшение понимания человеком его собственной природы» [14, с. 73]. Далее, ученый обращается к психологам с предложением: «не пришло ли еще время тем, кто изучает личность, отказаться от привычных ригидных решений и, возможно, даже поставить их с ног на голову. Вместо того, чтобы отрицать значимость единичных случаев и посвятить себя поискам обобщений, почему бы не отказаться от них и не обратиться к специфике конкретной личности. Действительно ли наши обобщения имеют отношение к тому частному случаю, который мы изучаем? Если даже это и так. Не требуют ли они модификации? И в чем именно индивидуальное функционирование противоречит нашим общим законам?» [14, с. 73–74].

На этом я заканчиваю заполнение первой, левой створки, готов обдумать мысли, изложенные в данной статье, и приступаю к написанию второй центральной створки триптиха. Она будет посвящена методологии той психологии, которая позволяет изучать такие категории как переживание и которая имеет в своем арсенале соответствующий психологический инструментарий.

### Литература

1. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общего психологического анализа. — М., 1990. 365 с.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. — М., 1968.
3. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1. С. 9–30.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 4 Детская психология / Под ред. Д.Б.Эльконина. — М.: Педагогика, 1984. 342 с.
5. Джерджен К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика: Сб. статей / Пер. с англ. А.М.Корбут; Под общей ред. А.А.Полоникова. — Мн.: БГУ, 2006. 232 с.
6. Зинченко В.П. Живое знание. — Самара, 1998.
7. Криппнер С., де Карвало Р. Проблема метода в гуманистической психологии // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2.
8. Леонтьев А.Н. Учение о среде в педологических работах Л.С.Выготского (критическое исследование) (1937) // Вопросы психологии. 1998. № 1. С. 108–124.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность // Избр. псих. труды в 2-х т.т. — М., 1983.

10. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М.: Смысл, 1999. 487 с.
11. Леонтьев Д.А. Предисловие к русскому изданию // Кватерни Исследовательское интервью. 2-е изд. — М.: Смысл, 2009. 300 с.
12. Марцинковская Т.Д. Творческое наследие Г.Г.Плеханова. «Круглый стол» // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 154–155.
13. Мещерякова И.А. Проблемное поле «мир переживаний» старшеклассников // Психол. науки и образование. 1999. № 3.
14. Олпорт Гордон В. Личность в психологии. — «КСП+», — М.; «Ювента», — СПб., 1997. 345 с.
15. Пергаменчик Л.А. Преподанное раннего Выготского: выразительное и говорящее бытие // Психология. 2007. № 2. С. 3–10.
16. Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход. — М., 2004 № 1.
17. Приходько М. Изучение тревожности как переживания в контексте культурно-исторической концепции // Вестник РГГУ. 2006. № 1. С. 101–115.
18. Эльконин Д.Б. Послесловие / Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 4 Детская психология / Под ред. Д.Б.Эльконина. — М.: Педагогика, 1984. 342 с. С. 386–403.
19. Ярошевский М.Г. Идеи Б.М.Теплова о переживании как феномене культуры // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 63–75.

### Pergamenchtchik L.A. The will of the Master: experience

In article the place of a category of experience in construction of a building of modern psychology is discussed. Ideas Vygotsky on a miscellaneous were reflected in works of its different pupils. According to the author, adequately to investigate experience as a psychological phenomenon probably within the limits of a humanistic paradigm of psychology.

**Keywords:** experience, activity, humanistic psychology.